

О Законе законов, специфике развития социологии в России и о том, что народ никогда не ошибается

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1503>

5 декабря 2012

Собеседник

Тощенко Жан Терентьевич

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 5 декабря 2012 и опубликована 24 января 2013.

Введение

Беседа с доктором философских наук, членом-корреспондентом РАН и деканом социологического факультета РГУ Жаном Терентьевичем Тощенко посвящена вопросам развития социальных и политических наук в нашей стране. Ученый размышляет об отношении к социологии — в царское время, когда социология и социализм воспринимались властью как синонимы опасности; в сталинское время, когда с 1929 года до конца 1950-х существовала лишь «буржуазная социология», как вырожденческая немарксистская наука; в перестроечное и наше время, когда социологические выкладки используются выборочно для обоснования готовых результатов.

Знало ли общество о решениях ЦК, читало ли классиков марксизма? Нет, но все делали вид, что осведомлены и поддерживают. Сталинская модель государства объединила мнение народа и мнение партии, и не предполагала социологию, которая просто мешала и поэтому была изъята, как генетика или кибернетика. Жан Терентьевич рассказывает о контактах с аппаратом власти и модернизационных предложениях научного сообщества. К примеру, об аналитической записке Михаилу Сергеевичу Горбачеву с указанием необходимости создания многопартийной системы. Чрезвычайны важны и размышления Жана Терентьевича об изменяющемся предмете политической социологии в наши дни.

Михаил Сергеевич Найдёнкин: Расскажите, пожалуйста, о себе, о том, где вы родились. Может быть, о родителях, об учебе.

Жан Терентьевич Тощенко: Хорошо. Мой путь в науку начался исподволь. Он связан с общественной наукой, и в известной мере с политической. Здесь главную роль сыграли мои родители. Южная часть Брянщины, там, где петух на три республики кричит — Белоруссию, Украину и Россию, это мое место рождения. Мои родители были сельские учителя. Они сами были комсомольцы 20-х годов и искренне верили, что строят новую жизнь, хотели, чтобы лучше люди жили, лучше работали. Они всю жизнь проработали сельскими учителями. Причем, это маленькая деревня, в которой учитель был не только учителем. Одновременно он и фельдшер был, и сантехник, и агроном, и писал самые разные письма-ходатайства крестьян. Эта нацеленность делать людям добро, мечта о счастливой жизни, в общем-то, с детских лет как-то сопровождала меня.

М.Н.: Они в одной школе работали?

Отечественная война

Ж.Т.: Да, это маленькая двухкомплектная школа. Возможно, вашему поколению неизвестно, что двухкомплектная — это когда в одном классе сразу два класса учатся. Первый и третий, второй и четвертый. То есть учитель дает задание одной части, они его делают, он занимается с другой. У нас там было по девять, по десять учеников в том или ином классе. Так называемая двухкомплектная школа.

Когда началась Великая Отечественная война, отец мой стал партизаном, даже был комиссаром партизанского отряда, маленького, там, на южной Брянщине. Но его деятельность была довольно быстро прервана: он попал в засаду, и вычислили, где его семья живет, приехали...

М.Н.: Сколько вам было лет?

Ж.Т.: Мне шесть лет тогда было.

М.Н.: Это был ...

Ж.Т.: 41-й год. Привезли его в нашу деревню... это полицейские были, люди, которые стали... какое-то зло против Советской власти. И начали его пытаться: где отряд? где какой-то архив? Он ничего, ни слова не сказал... Нас было трое детей, пытались нас... чтобы он заговорил и отвечал, но он так ничего и не сказал. Выбили все зубы ему пистолетом, резали звезду на груди, как комиссару, как коммунисту...

М.Н.: Это вам рассказывали?

Ж.Т.: Так нет, я видел. Нас же построили, на глазах наших делалось это.

М.Н.: Прямо на ваших глазах?

Ж.Т.: На наших глазах. Вот, Терентий, говори, или вы заставьте его говорить! Когда уже он окончательно потерял сознание, его отвезли от деревни и разрывными пулями искромсали тело и бросили. Это произвело, конечно...

Я называю это воспоминание фантомной болью, когда уже ничего не исправишь, а оно всю жизнь болит.

К этому добавились потом другие моменты, у нас же был партизанский край. Венгерский [отряд] или, как у нас, мадьяры, уничтожил три деревни, от мала до велика, до грудных детей, всех расстреляли за то, что в засаду попала их разведка. Выгнали всех детей, старух, стариков, поставили на колени и из пулемета расстреляли три деревни. Знаете, это накапливалось, поэтому, когда я закончил школу, у меня уже где-то

сформировалась убежденность, что я все-таки должен идти в общественные науки. Хотя я завоевал уже определенные места и по математике, и по физике.

М.Н.: А мама продолжала работать в школе?

Ж.Т.: В школе. Будучи уже медалистом, я приехал в Московский университет и поступил на исторический факультет.

М.Н.: В каком году это было?

Работа в Сибири

Ж.Т.: Это 52-й год. В 1952 году я поступил, приехал и как медалист... Тогда был, может, слышали, известный историк-археолог Арциховский Артемий Владимирович, первооткрыватель новгородских берестяных грамот. Здесь я начал учебу. После окончания в 57-м году, будучи сталинским стипендиатом, для которого прямой путь в аспирантуру, я взял путевку и уехал в Сибирь на строительство железной дороги Абакан–Тайшет. Слышали, может, дорога такая была. Вот там я начал экономистом мостоотряда № 5, который строил мосты через реку Абакан, через Енисей в районе Минусинска, города Абакана.

М.Н.: А чем было вызвано ваше решение?

Ж.Т.: Общим движением. Я считал, что как историк, занимающийся современностью, должен испробовать сам реальную жизнь. Я хотел участвовать в этих сдвигах, в строительстве новых городов, новых предприятий, думал, что я обогащусь, а потом вернусь в науку.

М.Н.: А какова была ваша специализация на факультете?

Ж.Т.: Специализация у меня была такая: «Советский период истории и история КПСС». То есть самые актуальные проблемы.

М.Н.: Вы защищали по этой теме диплом?

Ж.Т.: Тема у меня звучала так: «Национальный вопрос в первые годы советской власти». И вот я уехал в Сибирь. Но меня там очень быстро вычислили и пригласили на комсомольскую работу. Я на комсомольской работе пробыл семь лет, в Сибири же, и закончил свою карьеру секретарем Красноярского крайкома комсомола.

М.Н.: То есть вы там пробыли дольше, чем планировали?

Ж.Т.: Семь лет я пробыл. Потом уже как секретаря, уже достаточно высокая номенклатура, меня рекомендовали на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Я сюда приехал, а как раз в тот год, 1964-й, начала формироваться кафедра научного коммунизма с социологической лабораторией. В то время ректором был академик Францев, известный философ. И он поставил задачу, что в партийном учебном заведении должна быть социологическая лаборатория. Обычно не упоминается, что это партийно-учебная [лаборатория]. Кстати, ее возглавлял Петров, сейчас доцент социологического факультета МГУ. Я когда приехал, желая продолжить... Францев мне лично, так как у меня отлично были сданы все экзамены, предложил [пойти] на эту новую кафедру и заняться неизвестной мне наукой социологией. Я согласился и через три года защитил диссертацию, уже на кандидата философских (тогда не было социологических) наук, которая называлась «Социальное планирование в системе научного управления общества».

Научный коммунизм и социология

М.С.: Значит, получается, вы туда попали как раз в тот момент, когда научный коммунизм как дисциплина зарождался?

Ж.Т.: Зарождался, и зарождались первые социологические исследования.

М.Н.: А с чем вы связываете эти явления: и научный коммунизм, и зарождающуюся социологию?

Ж.Т.: Знаете, научный коммунизм — это все-таки необходимость. Если всякие клише отбросить, то требовалось рассказать о тех социальных проблемах, которые были в советском обществе. Это проблемы труда, города и деревни, национальных отношений, даже международных отношений, были же национально-освободительные движения. То есть, в общем-то, это реальные проблемы, которыми жило общество. Но тогда разделение произошло: некоторые научные коммунисты пошли по линии философствования, а часть... что надо эти идеи проверять через социологические исследования. И когда социологи получили хорошую подготовку (в этой лаборатории я услышал тогда молодых, начинающих социологов Ядова и Здравомыслова), я уже окончательно эволюционировал в сторону социологии.

М.Н.: А с кем еще вам довелось именно там начать работать, кого бы вы еще вспомнили?

Ж.Т.: Моим научным руководителем был академик Афанасьев Виктор Григорьевич. Он был редактором «Правды», заведующим кафедрой у нас, научного коммунизма. Кстати, напомним. Он был вообще достаточно безвестный доцент в Челябинском пединституте, и где-то в конце 50-х годов был закрытый конкурс по учебникам философии. Прислали многие, и он тоже принял участие. Комиссия определила, что это учебник лучший. Раскрыли конверт, а там какой-то неизвестный Афанасьев Виктор Григорьевич. Учебник его напечатали. Поколение 60-х — 70-х годов училось на его учебниках. И он тогда как-то выделился, его сразу выдернули в Москву, в Академию, здесь он уже стал доктором, а потом и академиком. Он был у меня научным руководителем.

После окончания академии я вернулся опять в Красноярский край, хотя было тут предложение Высшей комсомольской школы. Но я почему-то решил, что свои социологические исследования проведу в Сибири. В то время складывался Красноярский университет, я стал руководителем социологической лаборатории. Лаборатория на хозрасчетных началах, в ней было около пятидесяти человек. Мы проводили исследования на предприятиях Красноярского края, Тувы, Якутии, но в основном, конечно, в Красноярском крае. Там я заведующим кафедрой стал, потом там же, в Сибири, доктором наук. И когда уже моя лаборатория стала достаточно известна, меня вспомнили в Академии общественных наук и пригласили вернуться в Москву и возглавить лабораторию уже при Академии общественных наук. Я вернулся, это был 75-й год. Сложилось так, что в Сибири я провел восемнадцать лет в общей сложности. Из Сибири я вернулся и доктором, и профессором, и возглавил лабораторию.

Собственно, когда я проводил исследования в Сибири, уже не мог обойтись без анализа того, что делают партийные организации, комсомольские организации, как доходят решения правительственных органов, партийных органов, что принимают, что не принимают. Кстати, один такой момент, за который меня критиковали.

” Мы вычислили, что Постановления ЦК КПСС доходят только до трех процентов людей, хотя везде формально было, что советские люди одобряют, всё знают. Но доходила суть до очень ограниченного количества людей. Это не совсем нравилось.

Кстати, я нередко потом встречал такую ситуацию, даже уже здесь, когда, работая в Москве и поставляя иногда записки в ЦК КПСС, люди, которые уже меня хорошо знали, встречали так, например: «Ты опять какую-то гадость принес?» Потому что я всегда приходил с какими-то нерешенными проблемами, что-то не так...

М.Н.: С реальными какими-то показателями.

Ж.Т.: Да, с реальными показателями. Мы исследуем реальность, реальность достаточно противоречива, не совпадает с официальными документами.

М.Н.: А структуры, которые обобщали подобные сведения? Реальные показатели доходили до руководства страны?

Ж.Т.: Вы знаете, на последнем этапе даже записки, которые я из лаборатории... а потом, на заключительном этапе, я возглавлял Центр социологических исследований в академии, они доходили до Политбюро. Я знаю резолюции, которые накладывал уже Горбачев. Но они накладывали и читали до тех пор, пока еще в какой-то мере наша информация устраивала. Когда я принес уже в последний раз Горбачеву, что его авторитет резко упал...

” Один из выводов у нас был, что необходимо признать, что КПСС надо делить на несколько партий: на социал-демократическую, на социалистическую, на демократическую. Кстати, это, может, был бы вариант.

М.Н.: Многопартийная система как выход из сложившейся ситуации.

Ж.Т.: Но не послушали, более того, была высказана претензия, что мы пытаемся дискредитировать сложившуюся советскую систему. Собственно, мы уже, так или иначе, занимались политическими вопросами. Не называя это политологией или политической наукой, мы все равно занимались политическими процессами, которые были связаны с деятельностью партийных организаций, советских органов, решением тех или иных вопросов их эффективностью и так далее. Эволюция двигалась, и в 90-м году в этом журнале, которым я сейчас руковожу, появилась моя статья...

М.Н.: В «Социологических исследованиях»?

Ж.Т.: Да, «Социологические исследования», но я был только членом редколлегии в то время, в 90-м году. Статья «Что такое политическая социология», где я в какой-то мере опирался и на представления моих коллег в англоязычной литературе («political sociology»). Хотя, верно, вы знаете, что там больше политические науки, политология только во Франции и у нас. В англоязычной традиции — это политические науки. Кстати, могу сказать свое различие между политологией и политической социологией. Политологи делают анализ всех политических документов, начиная от конституции, законодательства, что пишут политические деятели, представители политических партий, и потом спускаются уже до человека. Мы теми же вопросами занимаемся, но начинаем с человека. Я исхожу из того, что в принципе большинство людей знать не знает, не читало ни конституцию, ни законы, только понаслышке что-то знает. Обещания, которые раздаются, хотя они самые прекрасные, но у человека складывается совершенно другое представление о них из случайных разговоров, из разговоров с соседями, друзьями, в метро или на базаре. И он вырабатывает какое-то свое понимание.

М.Н.: Фрагментарное очень.

Ж.Т.: Да. И будет человек действовать, как он понимает, а не так, как говорят ему сверху. Поэтому наша задача — анализ реального политического сознания, политического поведения. Я всегда доказываю, что именно это и должно быть основой для принятия политических решений.

М.Н.: Эмпирическое исследование.

Ж.Т.: Да, эмпирическое, но оно должно быть представительное, доказанное. Это проблема выборки, проблема доказательства.

И на заводах и потом здесь на политическом уровне всегда, когда мне говорили, не может быть так, вы в чем-то ошиблись, не должно быть так. Или если даже соглашались, говорили, надо народу разъяснить, он ошибается, заблуждается. Я всегда был категорически против. Народ никогда не заблуждается. Надо понять...

М.Н.: Почему он так считает.

Ж.Т.: Почему он так считает, попытаться реконструировать. Почему люди не согласны или имеют другое мнение? Действовать они будут так, как они считают, или молчком, или явно. Но пробивать себе дорогу будет то, что думают люди, а не то, что думают представители политической власти. Вот поэтому еще при советской власти я начал исследование о состоянии общественного сознания — экономического, политического, нравственного, исторического. Сейчас, кстати, двадцать пять лет прошло, и я повторяю со своими коллегами, что за двадцать пять лет случилось с этим сознанием. Первый съем по экономическому сознанию у нас произошел, скоро будем начинать по политическому сознанию. Очень интересно, что произошло в головах людей в связи с преобразованием нашей системы.

Потом я перешел в систему Академии наук...

М.Н.: Вы имеете в виду в 90-е годы?

Ж.Т.: Да, 90-е годы... Хотя меня пригласили... на базе Академии общественных наук образовалась Академия госслужбы, я года полтора поработал, потому что мне предложили тот же центр возглавлять. Но по ряду убеждений решил, что лучше уйду в Академию наук. Я сначала был в Институте социально-политических исследований, короткое время... и предложили должность главного редактора «Социологических исследований». Одновременно возглавляю социологический факультет РГГУ. Там был ректором Афанасьев Юрий Николаевич, возможно, вы знаете. Пригласил меня, говорит: «Помоги ставить социологический факультет». Вот я с 95-го года начал помогать ставить и застрял до сих пор на этой должности. Ректор говорил: хватит деканствовать, надо давать молодежи...

М.Н.: Жан Терентьевич, как вам кажется, почему социология и научный коммунизм появились в 60-х годах именно, почему было принято решение дать зеленый свет социологическим исследованиям и, соответственно, научному коммунизму с его проблематикой?

Ж.Т.: Вы сами историк или филолог?

М.Н.: Я на философском факультете учился.

Социология в советское время

Ж.Т.: Я это объясняю таким образом. Возникновение самой социологии в начале XIX века, после Французской революции, связано с тем, что потребовалось обществу. Ведь в истории, наверное, вы согласитесь, что до этого действовали короли, цари, князья, знать военная, знать земледельческая, торговая. А население, в общем, рассматривалось как машина, как скот, который неразличим. Величие Великой Французской революции в том, что она провозгласила, что каждый человек может быть субъектом исторического процесса. Это до сих пор еще не реализовано, но возникла необходимость в принятии решений вовлекать все возможное количество людей. И мы объективно подошли к такому этапу...

М.Н.: Советское общество?

Ж.Т.: Да, советское общество, что уже не только партию, не только рабочий класс, не только какую-то часть

интеллигенции, но надо всех людей привлекать по крайней мере к информированности. Это уже потребность времени.

М.Н.: То есть потребность общества в самосознании в 60-е годы?

Ж.Т.: Да, это произошло массово, поэтому даже многие инициативы... Было такое движение за коммунистический труд, потом планы социального развития, они же начинались внизу, как какая-то инициатива. Инициатива, причем, достаточно добротная. Потом ее оседлали бюрократы, приняли постановления соответствующие, начали лепить бригады и планы, лишь бы отчитаться, и произошло искажение. В Сибири решение вопроса возникало так: директор алюминиевого завода, на котором проводилось исследование...

М.Н.: В Красноярске?

Ж.Т.: Да, в Красноярске, Василий Венедиктович Стрига — опытный инженер, энергетик, электрик. Он говорил: «Я как инженер знаю, как получать алюминий, какая технология, техника, какие вопросы, но, по большому счету, не знаю людей. Хотя, вроде слышу на собраниях, кто-то докладывает, рассказывает, но я не убежден, что истину знаю. У меня возникла потребность, чтобы вы узнали, в том числе и обо мне. Вы можете, будете информировать меня, чтобы я правильно руководил». Даже привел такой пример: как я назначаю, скажем, начальника цеха анодной массы? Знаю, что какой-то инженер хорошо выступил, где-то слышал, мне рекомендуют, да, Кузнецов — хороший человек. Давай попробуем, я назначаю, но не убежден, что лучшего из инженеров выбрал кандидата. А как мне, в самом деле, определить, кого из них надо выдвигать? Дайте инструмент, аттестацию инженерно-технической работы, по которой я мог бы выдвигать людей. Вот такие моменты. Но это молодой был директор, который понимал, что надо опираться уже не просто на тоталитарные решения, личные решения, их надо дополнить, тогда зафункционалируют и технологические, и организационные механизмы этого завода.

М.Н.: То есть вас в социологии привлекало, в том числе, ее практическое измерение, базирующееся на эмпирическом исследовании, достаточно четком?

Ж.Т.: Да, причем мы сопоставляли мнения рабочих и мнения инженеров, мнения тех же руководителей, мнения партийных работников или советских работников. Сопоставляли, в чем они расходятся, и пытались выявить, а потом рекомендовать, как в этой ситуации надо поступать.

М.Н.: А научный коммунизм, с вашей точки зрения, пошел по несколько другому пути. Он пошел по пути более теоретическому, по пути, основанному на марксизме-ленинизме?

Ж.Т.: Да, я иногда употреблял «карьерное», кстати, это МГУ было присуще. Тут сам по себе уважаемый человек Ковалев был.

М.Н.: Ковалев, конечно.

Ж.Т.: Я однажды, сгоряча... у вас плохое философствование, вы в какой-то мере философию используете, но это за уши притянутое, мало убедительное, мало доказательное... Вот почему в 60-е годы произошел определенный разрыв. Сибирские кафедры научного коммунизма, например, начали развиваться как социологические кафедры.

М.Н.: В какие годы?

Ж.Т.: В 70-е годы. Сибирские кафедры стали развиваться как социологические кафедры, не меняя названия. Я читал курс научного коммунизма как социологическую дисциплину, то есть проблемы той же нации, проблемы города и деревни, проблемы труда, базируясь и на своих, и на данных коллег. А здесь, в европейской части, может, под влиянием МГУ, кафедры Ковалева, я бы сказал, было философское теоретизирование. Меня лично это не устраивало, но, тем не менее, оно существовало.

М.Н.: А почему политологию или политическую науку в другой терминологии, почему ее как отдельную дисциплину не выделили? Почему она не была названа, как-то артикулирована как отдельная

дисциплина?

Ж.Т.: Это, может, связано с тем, что долгое время к социологии относились настороженно. Кстати, настороженность проявлялась и в царское время.

М.Н.: К социологии?

Ж.Т.: К социологии. Социолог практически ассоциировался с социалистом. А социология занималась разными социально-экономическими, социально-политическими процессами. Когда мы исследовали деятельность производственных коллективов в Сибири, мы не могли не затронуть деятельность партийных организаций, комсомольских организаций, отношения к постановлениям ЦК КПСС или Совета Министров СССР. В какой-то мере идеи, которые касались политической жизни страны, проскальзывали, но их не называли. К концу 90-х годов накопился обширный материал, но он был своеобразный, на мой взгляд. Он копился как некоторое полуфилософское рассуждение в политике, связанное с именами Бурлацкого, Шахназарова. Часто юридический аспект присутствовал. Они были нацелены на рассуждения о политике, но без особой конкретики. Одновременно начали развиваться и крепнуть среди социологов исследования, которые уже в большей мере концентрировались на изучении самой политической жизни. Знаете вы или нет, но мы до 88-го, 89-го года в политическом плане ограничивались, если спрашивали об авторитете, только отношением к первичным партийным организациям, иногда районным. А в 89-м году мы уже начали спрашивать, как относятся к ЦК КПСС, к обкомам, к райкомам. На это было уже в известной мере согласие свыше, и мы получили более или менее законченную картину.

М.Н.: Неужели до этого не было потребности в такой информации? Или ее закрытые органы каким-то образом собирали?

Ж.Т.: Ее даже не спрашивали. Просто сказали, что бесспорная истина — решение ЦК КПСС, и не трогайте. Можно было только говорить, что вы слышали, читали, знали и так далее.

Марксистский базис

М.Н.: В наших беседах появляется такая мысль, что советская социология, научный коммунизм и советская философия (в той форме, в которой она существовала) базируется на марксистской теории, как фундаментальной теории. А западные исследования в большей степени не теоретические, а эмпирические. Как вам кажется, были ли какие-то плюсы в том, что многие науки базировались на марксистском теоретическом базисе?

Ж.Т.: Основное требование ко всем общественным наукам, в том числе и к социологии, чтобы мы провозглашали: все, что мы развиваем, в рамках марксистско-ленинской методологии и теории. Пример: я статью писал и не упоминал очередной пленум ЦК КПСС, не цитировал. Но даже если я отказывался, мне вписывали все равно, хотя это было за уши притянуто.

М.Н.: То есть, если бы существовала программа, она бы по умолчанию создавала определенное предисловие.

Ж.Т.: Хотя я знаю, как в любой теории, и в марксизме-ленинизме есть серьезные достижения, есть и убудочные, есть какая-то средняя мешанина. Тут рисовать только одним цветом, говорить, что все плохо, я не могу, не согласен. Это все-таки работы, которые до сих пор... даже у нас в социологии одна из крупных работ, которая в 60-е годы была, работа моего коллеги Ядова Владимира Александровича «Человек и его работа». Она тоже наполнена определенными ссылками на документы партийные, но это не меняло сути. По содержанию она, собственно, уже предполагала не только марксистский подход, включала в себя и структурно-функциональный подход. В ряде случаев и другие школы.

И этому, во многом, способствовали и наши социологические исследования, потому что они использовали ряд разных приемов, разных методов изучения. Появились работы, которые внешне провозглашали приверженность, но становились какими-то новыми открытиями. Поэтому, когда меня лично спрашивают:

«Вы остались?», я говорю, что можно меня назвать неомарксистом. Считаю, что в основных своих положениях теория верная. Более того, сейчас на международных встречах с коллегами предъявляют: как это, все советские ученые были марксистами, а сейчас почти все немарксисты, все шарахаются. Я говорю, что можете на меня посмотреть, я еще от марксизма не отказывался. Кстати, я сейчас вижу, через наш журнал и некоторых своих коллег, что идет, в какой-то мере, возрождение или использование, если не возрождение, ряда положений, которые остаются. Возможно, они видоизменили свое лицо, свое назначение, может, по-иному интерпретированы.

М.Н.: Особенно в контексте пресловутых кризисов, которые происходят. А если посмотреть на группу дисциплин, советских общественных, под углом перестройки и 90-х годов, как эти события отразились? Что они вскрыли в советской социологии и смежных дисциплинах? Появился доступ к литературе, которого не было? Или он был?

Ж.Т.: Нет, он был, но, может быть, недостаточно. Конечно, в новое время открылись более широкие шлюзы, возможности пользоваться, переписывать, особенно, когда интернет вошел в нашу жизнь.

М.Н.: Вы сказали переписывать?

Ж.Т.: Нет, не переписывать, а пользоваться уже изданным. Расширились масштабы, участие наше в различных международных мероприятиях. Привозили литературу, как говорится, не только официально через выписку, но и не официально. А сейчас очень серьезно дополнилось интернетом, когда можно скачать и познакомиться с литературой достаточно широко. Это повлияло.

М.Н.: А ощущалось, что в советский период было упущено время в социологии или, наоборот, была какая-то самостийность, вполне достойная? Или приходится догонять?

Ж.Т.: Конечно, мы вернулись в 50-е годы к социологии, практически тридцать лет ее не было, с конца 29-го года. Тогда была она практически запрещена. Даже когда я учился на истфаке, социология употреблялась только как буржуазная социология. Как науки ее не было.

М.Н.: А почему Сталин нанес такой удар по гуманитарному знанию?

Ж.Т.: Я как раз возвращаюсь к той идее, о которой сказал, «голос человека». Исследования 20-х годов, которые проводились среди рабочей молодежи, крестьянства, среди других слоев, стали вступать в противоречие с той официальной политикой, теми декларациями, которые, в общем-то, уже начали устанавливаться Сталиным со второй половине 20-х годов. Это, я думаю, продиктовано в первую очередь идеологическими, политическими [моментами]. Закрыть и сказать: все, что идет сверху — голос партии и голос народа — одно и то же. То есть определенные санкции. Кстати, всегда говорят, критикуют, что была запрещена кибернетика, генетика, а вообще-то все началось с запрещения социологии. Реже об этом упоминают и не так звучит. С конца 20-х годов, в 30-е продолжилось, и в 40-е, и 50-е попали. Я, например, считаю, что социология приходила в противоречия с тем, что нужно было в политическом, идеологическом плане решить. Наши данные выходили и не подтверждали, более того, еще и оспаривали ряд положений, которые выдвигались.

М.Н.: Особенно в том аспекте, что пришлось сделать с деревней, к примеру?!

Ж.Т.: Есть такой момент, я пишу здесь немного. У нас учебник, это уже четвертое коллективное издание, «Политическая социология».

М.Н.: В РГГУ?

Прошлое социологии

Ж.Т.: Оно опубликовано тут, в Москве, в издательстве «Юнити». Я пишу о некоторых уникальных вещах в 20-е годы, которые в социологии развивались. Была такая работа (вы про село упомянули), «Деревня» Большакова Антона. Это уникальнейшее монографическое исследование, междисциплинарное, которое

начиналось с истории волости в Тверской области и кончалось тем, какие частушки поют. Не говоря уже о промежуточных: экономика, политика, деятельность партячейки, комсомольской ячейки, как был поставлен отдых на селе. В общем, комплексная деревенская жизнь. И она была достаточно нелицеприятна к той же партячейке. Наколбасили там ребята, дай бог, вместе с комсомольцами, которые свергали кресты и еще что-нибудь такое, разные моменты. Может, вам интересно, в 2000-е годы в рамках политической социологии я выпустил две монографии, и мы собираемся их продолжить. Как власть использует этнические проблемы и конфессиональные проблемы.

М.Н.: Как использует?

Ж.Т.: Как использует, да, и какие процессы происходят. У меня есть такая монография «Этнократия. История и современность». Как в историческом плане использовались интересы нации, интересы этноса для политических целей. А потом, года три спустя, я написал «Теократию» о том, как использует власть религиозное начало. И меня официальные представители русской Православной Церкви укоряли, зачем я стремление церкви участвовать в общественной жизни называю таким словом как теократия.

М.Н.: Эти две проблемы, особенно в последний год, очень бурно обсуждаются.

Ж.Т.: Но я написал это еще в 90-е. Были противники, некоторые высказывали неодобрение. Вы знаете, новые независимые государства как раз используют этнические истории своих народов. Начинают преувеличивать культуры, кто раньше на этой территории появился, кто кого мудрее, у кого больше ученых, именно с этническим аспектом.

М.Н.: Жан Терентьевич, а как вы в целом бы оценили уровень общественных наук в советское время, опять же под тем углом зрения, что советское общество не сохранилось? Справились ли общественные науки, в том числе социология? Если научный коммунизм во многом был теоретичен, прогностичен, направлен на абстракцию, как вы считаете, а социология на практику, почему в таком случае общество, получается, недостаточно было изучено и не сохранилось?

Ж.Т.: Недостаточно изучено. В известной мере догматизированы были, следовали определенным канонам, которые были заданы иногда сверху, иногда это уже переходило на уровень подсознания.

М.Н.: Общественные науки?

Ж.Т.: Да, общественные науки.

М.Н.: Были догматизированы так, что это переходило на уровень подсознания? Что вы имеете в виду?

Ж.Т.: Как историк я знаю, что история Октябрьского переворота или Октябрьской революции подавалась под определенным углом зрения, изымались многие факты действительности. Особенный образец — «Краткий курс истории ВКП», как будто не было деятельности ни Троцкого, ни Бухарина, ни Рыкова, ни других деятелей. Это заданный параметр, которому, в той или иной мере, следовали многие историки.

” В истории философского факультета МГУ, вы знаете, в 40-х годах действовали своеобразные идеологические террористы.

М.Н.: Да, да.

Ж.Т.: Они расправлялись с очередным всплеском какой-то новой идеи. Это, я считаю, один из пороков, когда какое-то новое отклонение объявлялось то ли оппортунизмом, то ли еще каким-то «измом». Не только сама продукция, но и люди подвергались серьезным гонениям. Поэтому наряду с определенными достижениями...

М.Н.: А какие достижения советского периода в политической социологии, к примеру?

Ж.Т.: В политической социологии я бы назвал только те исследования, которые велись на локальном

уровне, на уровне производственных коллективов. Я назвал бы работу «Человек и его работа» — питерскую.

М.Н.: «Человек и его работа» — это питерские исследования?

Ж.Т.: Исследование ленинградских ученых под руководством Ядова и Здравомыслова. Частичный блок там был очень серьезный, где они пытались достаточно взвешено оценить деятельность политических организаций. Есть такая книга Урланиса, демографа с экономического факультета, «Исповедь одного поколения». Почему-то о ней мало пишется, а у него замысел: взял людей, родившихся в 1905-м году (он писал это в 60-е годы), и проследил, как их судьбы менялись в 17-м году, в индустриализацию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, восстановление. Прекрасная книга, которая, на мой взгляд, не умрет никогда. Была еще такая книга «Копанка, 25 лет спустя». Тоже исследование 30-х годов, потом через двадцать пять лет, в 60-е, повторилось. Но это какие-то отдельные компоненты, которые, может быть, не изменяют общую картину, все-таки политизированную в контексте общественной жизни.

М.Н.: А сейчас политическая социология какие, скажем, периоды проходит, в 90-е годы, в 10-е, сейчас?

Ж.Т.: Мы пытаемся периодизацию выстроить в политической социологии. Но я считаю, что наука появляется не из названия, а появляется из каких-то ручейков, которые проявили себя в реальной жизни. Когда я делаю очерк русской социологии, вспоминаю Острогорского, Чичерина, того же Бухарина, но относить их в полной мере к политической науке не могу. Это были политические идеи, которые высказывались по определенному поводу, в определенных ситуациях. Потом происходило увеличение массы людей, которые те или иные аспекты затрагивали, и уже где-то к 60-м годам вызрела необходимость эти политические идеи, размышления собрать под одной крышей. Деятельность Бурлацкого, деятельность Шахназарова...

М.Н.: А вы как-то с ними взаимодействовали?

Ж.Т.: В какой-то мере, да. Мы встречались на разных научных встречах, конференциях, беседах личных и общественных. Они были предшественниками того, что сейчас называется политологией, то есть использование рассуждений о политике без особого акцента на конкретные факты или факты выборочные. А в политической социологии, в общем, в 90-е годы накопилась уже масса частных исследований, и может быть, стоило их объединить под таким названием.

Соратники и коллеги

М.Н.: Еще хотелось, чтобы вы рассказали о людях, которые на вас повлияли в профессии, об ученых, которые запомнились? Может быть, какие-то истории, что-то интересное о тех, с кем пришлось работать или так или иначе пересекаться, в том числе по политической тематике?

Ж.Т.: Я уже упоминал, что в моей жизни деятельность моих родителей, в какой-то мере, определила выбор профессии. Могу сказать, что я обучался крестьянскому труду, так как отец погиб. Мой сосед, уже дед, научил меня и пахать, и сеять, и запрягать лошадей, и работать на волах, и вязать снопы, и косить. Поэтому я иногда своим сыновьям говорю, что любой вид крестьянского труда выполню и неплохо выполню, потому что до отъезда в Московский университет работал в том же колхозе, хотя я сын сельской учительницы. Я даже помню свой трудовой день, когда мне в колхозе выдали мешок зерна и двести двадцать килограмм картошки. За весь летний сезон работы. Я с гордостью привез это домой матери, первый заработок двенадцатилетнего парня.

М.Н.: А у вас были сестры, братья?

Ж.Т.: Да, у меня брат и сестра есть. Сестра у меня фармацевт, у нее бродячая жизнь была, потому что муж военный, и их перебрасывали всегда с места на место.

М.Н.: Вам ведь тоже пришлось попутешествовать? В Сибирь и обратно.

Ж.Т.: Это добровольно. Когда я иностранным коллегам говорю, что работал в Сибири, меня спрашивают: «А за что?» Не всегда понимают, что я туда сам поехал.

М.Н.: А у них тоже на уровне подсознания Сибирь определенным образом фигурирует.

Ж.Т.: Да, я понимаю это.

М.Н.: Как я понял, с Ковалевым у вас был негативный контакт, скорее.

Ж.Т.: Мы с ним встречались, обсуждали, спорили. Я со всем уважением отношусь, тем более к его военному прошлому. Он все-таки участник Великой Отечественной войны. Я всегда с уважением к этой категории людей отношусь, поэтому... спорили, говорили, доказывали друг другу, он по-своему пытался убедить меня, я по-своему.

М.Н.: Он боролся за дисциплину «научный коммунизм», пытался ее отстаивать.

Ж.Т.: Отстаивать, да. Кстати, я ему говорил, что надо обогатить ее той конкретикой, которую получают социологи, но у него была своеобразная реакция. Говорит, давайте нам ваши данные, ваши примеры, мы будем их использовать. В таком духе, что социология — вспомогательная дисциплина, которая поставляет факты, которые можно взять или не взять.

М.Н.: Произвольно...

Ж.Т.: Так же журналисты. Мы даже встречались с руководством Союза журналистов. Говорю: «Почему не используете?» Так ведь мы взяли цифры, на которые обратили внимание, а остальное... Ведь вы искажаете тем самым, говорите одну аргументацию и не говорите о другой позиции. Мы стараемся сказать и за, и против одновременно. Академик Афанасьев, который был научным руководителем у меня, очень серьезное влияние оказал на мое становление как ученого. Вы учебник Афанасьева?..

Он пользовался очень большим интересом, потому что написан простым, ясным языком, в отличие от учебника Фролова, в отличие от других, от учебника Спиркина. Они, по-своему, достаточно глубоки, основательны, но человек должен обладать профессиональным языком. А он писал так, и нам всегда говорил: постарайтесь научную мысль изложить так, чтобы каждый дурак мог понять. Потом научное сообщество, я с большим удовольствием общаюсь. Мы сейчас с Николаем Валентиновичем Романовским работаем. У него тоже интересная биография, он вам подробнее расскажет про путешествия, про работу на Асуане. Он пришел в социологию, будучи тоже историком.

М.Н.: Так получалось, что из дисциплины в дисциплину люди переходили?

Ж.Т.: Да, я, в общем-то, благодарен истфаку. Сейчас иногда встречаю молодых социологов, которые начинают рассуждать о процессах и не знают предшествующих этапов, как первооткрыватели.

М.Н.: То есть в определенном смысле это даже полезно, дает определенную широту?

Ж.Т.: Мне тут попалась моя первая курсовая работа на первом курсе. Я на нее смотрю, как совершенно посторонний человек. Она называлась: «Тирания Писистрата и революция Крисфена. Переход от тоталитарного к демократическому устройству Древней Греции». Хотя это не стало моей специальностью, но то, что я в своих работах часто обращаюсь к Древней Греции, к Древнему Китаю, к Древнему Риму, не говоря уже о Средних веках и Новом времени, на мой взгляд, только усиливает аргументацию.

М.Н.: Считается, что советское образование давало определенную широту мышления, вы поддерживаете такую точку зрения?

Ж.Т.: Да, я это поддерживаю. Какой-то вектор избрать и, опираясь на него, совершенствовать свои знания, свои навыки.

М.Н.: Идеал классического образования вам близок?

Ж.Т.: Да, да, идеал классического образования близок, сейчас в наших университетах... вы латынь учили?

М.Н.: Я учился в школе, которая была гимназией, а потом лицеем, там были и греческий, и латынь.

Ж.Т.: А я благодарен университету. Тогда на истфаке была латынь обязательным предметом, которым мы два года занимались. Поэтому я использую латинские выражения. Не могу сказать, что в совершенстве [знаю], как в средневековых университетах. А сейчас латынь поизымали из университетского курса.

М.Н.: Еще вопрос о взаимодействии с какими-то номенклатурными органами управления. Каким образом работала вообще система сбора информации, каким образом она была построена и достаточно ли она была репрезентативна и адекватна? Какие были проблемы и какова она сейчас?

Ж.Т.: Ее применение ослабевало по мере увеличения этажей, на которые я докладывал, пытался информировать или заинтересовать. Это было связано еще и с формой подачи, потому что я общался не только с директорами предприятий, но и с теми, кого я «обследовал», мог встретиться и переговорить. Сейчас социологическую информацию начали использовать фактически все органы управления, но они используют выборочно – только то, что подтверждает их мысли и идеи. Это очень специфическое применение, иногда оно может даже больше вредить, чем пользы [приносить], хотя формально звучит, что наши данные используются.

Живая социология

М.Н.: А каковы перспективы политической социологии как науки в России?

Ж.Т.: Думаю, что тут надо идти по линии углубления, углубления анализа, не просто потому, что я часто замечаю, что политическая социология ограничивается только общественным мнением. Спросили, как оценивают ситуацию, как относятся к тому или иному документу. А нужно, на мой взгляд, исследовать более глубокие вещи.

М.Н.: Как то?

Ж.Т.: Я называл этнократию, когда используется этнический элемент. Я думаю, что грядут события, связанные с охлократическими моментами. Власть толпы, как вы знаете. Я грешным образом подумал, что наши сегодняшние власти иногда действуют охлократически. Это не только разброд тех, кто в самом низу, но и разброд тех, кто управляет. Это приводит к непонятным диспропорциям, непонятным шараханьям, к отказу тех или иных процессов.

М.Н.: То есть при анализе нашей нынешней правящей элиты необходимо учитывать элемент определенного сумбура и хаоса?

Ж.Т.: Сумбура и хаоса, которые, в общем-то, и приводят к такой непоследовательной политике. Я не исключаю, что будет тенденция в ближайшее время к возрастанию технократии. Потому что многим специалистам надоест чисто политическое, идеологическое заигрывание. Оно было всегда в какой-то мере, а управлять государством надо так, как управляют производством. Вероятно, такая абсолютизация тоже не совсем точна, одно дело производство с его техническим, технологическим режимом, организационным режимом, другое дело, когда решаются вопросы политики, идеологии всей страны. Чисто технократическими методами не обойтись.

М.Н.: Может произойти своеобразная пролетарская революция, но только пролетариев умственного труда? Это вы имеете в виду? Специалисты и ученые больше не будут иметь потребности в политиках, в обслуживающем персонале?

Ж.Т.: Это идеальная модель, но она, конечно, никогда не будет реализована, учет того, что делают специалисты, что делают ученые — пока не решаемые вопросы. Не знаю, встречались ли вы с такой

идеи, которая меня привлекает, кстати, высказанная юристами, что надо принять закон о законах. Сейчас как все устроено: или предложение от администрации президента, там какие-то лидеры, или от правительства, или от каких-то политических партий. И начинают обсуждать, хорошо ли, плохо, достаточно ли.

А закон о законах предполагает текст, который должен пройти апробацию, кто его должен предложить, юристы, социологи, экономисты. Обсуждение с точки зрения военной стратегии, международных отношений и так далее.

У нас законы принимаются достаточно стихийно. Я вчера прочитал заявление Медведева, что закон о пенсиях, который принимали пять лет назад, оказался неправильный, хотя все аплодировали. По крайней мере, партия единороссов голосовала, а оказалось, что не то и не те.

М.Н.: Когда я о вас читал, меня заинтересовало понятие «живая социология». Расскажите, пожалуйста.

Ж.Т.: Я придерживаюсь, и не только я, не исключая теоретическую мысль, что мы должны исследовать повседневность, то есть чем человек сейчас живет, что его волнует, заботит, какие он строит планы на будущее, как он видит будущее своей семьи, своих близких. В известной мере человек все равно имеет мнение о государстве, в котором живет, о тех людях, которые управляют городом или селом. Понимая эту повседневность и выстраивая ее, мы можем ответить и на потребности науки, и на потребности практики. Вот почему я отличаюсь при трактовке предмета социологии от своих коллег. Говорят, надо изучать общество, но я всегда возражаю. Общество изучают не только социологи, но и философы, политологи, культурологи, психологи. Речь идет о каком-то аспекте, и мы должны выбирать. Предлагают структуры, но структуры тоже неустойчивы, что-то меняется, что-то ломается, что-то возникает. На мой взгляд, предметом должно быть общественное сознание: что человек знает, какого он мнения, как оценивает, какие у него интересы, какие мотивы, какие ценностные ориентации. Второй шаг, как он ведет себя, так как одно дело знать, мнение иметь, а поведение может и отличаться. И третий момент, который накладывается, — среда. Человек живет в северных широтах или в районе пустынь, в большом коллективе или в маленьком, работает на промышленном предприятии или в селе, в чиновничьем учреждении или учебном заведении. То есть среда, которая опять же влияет на сознание и на поведение. Снятие этих трех характеристик дает нам представление о живой...

М.Н.: Повседневности, то есть социология способна зафиксировать человеческую повседневность?

Ж.Т.: Я всегда говорю, что любопытство социологов ограничено, и привожу примеры: человек не может правильно ответить или человек не хочет ответить. Не может тогда, когда не обладает определенной суммой знаний. Вот если бы я сейчас у вас спросил, как вы считаете, что лучше и эффективнее — лазерная связь или радиолинейная связь? Вы, конечно, можете сказать, но я не поверю вам, а тем более специалист. Так как вы не обладаете той информационной базой, которая позволяет считаться с вами. Поэтому социология требует учитывать информационное богатство человека. А когда человек не хочет давать ответы на вопросы, ведь человек всегда стесняется, особенно когда его спрашивают о личных, семейных делах, не хочет пускать к себе в лабораторию, или даже бывают политические причины. Я всегда смеялся в советское время, когда мы участников политических кружков спрашивали, читали ли вы произведения Маркса и Энгельса? Человек начинал чесать голову, он их не читал, но читал цитаты в статьях, и говорит: да я читал. И у нас получалось, что восемьдесят, девяносто процентов в системе политпросвещения читают Маркса и Энгельса. Конечно, это явная глупость, но человек был поставлен в такое положение. Неудобно же сказать, зачем же ты тогда политзанятия посещаешь. Это пример, когда человек не хочет.

Общественные науки вчера и сегодня

М.Н.: Если говорить о советском периоде, то можно сказать, что у общественных наук была определенная цель. Они должны были в той или иной мере способствовать самосознанию советского общества и построению общества будущего. Соответственно, марксизм представлял собой, теоретически, экономоцентричный базис для этой работы. Можно ли сказать, что у современных общественных наук есть какая-то цель, и есть ли потребность в цели, и есть ли потребность в какой-то общей теории?

Ж.Т.: В советское время, в самом деле, была такая более или менее подспудная цель, которая, может, звучала громко, но она имела основания. Ты должен быть гражданином своей страны, должен обязательно. Даже в песнях: сначала думай о родине, а потом о себе. Я участник комсомольских ударныхстроек, свидетель, что десятки тысяч молодых людей приезжали. Правда, присутствовал элемент заработать, на машину заработать, на квартиру заработать, но с другой стороны и участвовать. Не знаю, вы были свидетелем, когда те же газеты писали о стройках, о каком-нибудь каменщике, о каком-то инженере, что он решил какую-то задачу. Это была модель, образец, почему бы мне не попробовать проявить себя таким образом, тем более, что новое производство создавалось. Мы на Абакан-Тайшете когда работали, в двадцать три года были начальниками трестов, в Москве бы никогда не получили таких должностей.

” Это была перспектива, ориентация на служение общественным целям, но и более или менее гармоничное сочетание того, что свои интересы должны совпадать с интересами общества.

М.Н.: А что касается общественных наук? Единая цель им нужна, или она их, наоборот, несколько исказила и догматизировала?

Ж.Т.: Она их исказила, но, с другой стороны, она их и дифференцировала: философы писали, уделяя внимание одним моментам, историки — об историческом сознании, психологи старались разобраться в малых группах и закономерностях их развития и в какой-то мере получали результаты. Но, с другой стороны, на них накладывали догмат. Даже в моей позиции, могу вам сказать, меня иногда называли оппортунистом, потому что я в чем-то следовал, а в чем-то критиковал. Вроде как советский оппортунист. Кстати, знаете, я очень обращаю внимание на Зиновьева Александра Александровича. Меня особенно поразила его мысль, когда он уже вернулся после ссылки: если бы я знал, что мои произведения послужат разрушению Советского Союза, я бы не стал их писать. Я критиковал, желая улучшить, усовершенствовать, отказаться от того, что нелепо. Если оценивать этот исторический момент, то возможно в нас этого желания критики было недостаточно или мы были недостаточно настойчивыми, упорными, может какие-то связывали нас идеологические путы, и мы не пробивали свои идеи выше и дальше.

М.Н.: Задам вам вопрос, на который так или иначе в каждой беседе выхожу. С вашей точки зрения, почему Советского Союза не стало?

Ж.Т.: Я думаю, что тут сложился ряд и объективных, и субъективных причин...

М.Н.: И как следствие, что, с вашей точки зрения, в политическом и социальном плане представляет собой современная Россия?

Ж.Т.: На меня произвело впечатление, знаете или нет, еще в начале 70-х годов готовились пленум и целый ряд законодательных актов, в которых мы перешли на язык практических рекомендаций, как нам устроить научно-техническую и информационную революцию. Была поставлена такая задача, но так и не была решена, мы не вышли на этот момент. А раз не вышли, потеряли темп развития, даже до нулевого дошли к концу 70-х годов. А когда прекращается развитие страны, развитие экономики — это чревато издержками.

М.Н.: То есть в 70-е годы была упущена информационная революция?

Ж.Т.: И научно-техническая революция. Не приняты меры, хотя до начала 70-х годов мы развивались достаточно быстрыми темпами. Хрущевская же идея, что в 80-м году мы будем жить при коммунизме, была построена на том, что в начале 60-х большие темпы развития были, процентов десять-одиннадцать. Он посчитал, что если десять-одиннадцать, то в самом деле к 80-му году мы бы по темпам уже догнали Америку, если механически посчитать. А получилось наоборот, даже затухание, даже до нулевого развития. Попытка перестройки, идея перестройки витала в воздухе, было много людей, было много публикаций, даже в официальных изданиях, и в «Правде», и в «Советской России». Но Горбачев, который начал ее, стратегически не определил, что же нужно делать в экономике. Мы начали с реконструкции тяжелой промышленности, потом обувной почему-то и вообще начали шарахаться. Не было стратегии, и страна еще больше погрязла в этой экономической несурзаце. И субъективные факторы — позиция Горбачева и Ельцина — дополнили этот момент и закрепили, хотя кривая могла быть преодолена и без таких катаклизмов. Это мои размышления, ведь мы сейчас говорим о сдвигах, и в самом деле, есть какие-то сдвиги, но мы ведь еще не достигли того экономического потенциала, который в 90-м году был в России. Двадцать лет прошло, мы сейчас называем отдельные моменты, но, но, но. Почему в Китае, когда от Мао Цзэдуна отказались, уже через три года вышли на высокие темпы роста, почему в Португалии после Салазара потребовалось два-три года, чтобы вылезти из ямы, а мы уже двадцать лет болтаемся.

М.Н.: А с точки зрения политической социологии, что наше общество сейчас из себя представляет? Можно дать какую-нибудь общую характеристику?

Ж.Т.: Вы знаете, оно достаточно дифференцировано.

М.Н.: Общество дифференцировано?

Ж.Т.: Да, с точки зрения политической власти очевидны элементы авторитаризма. Очень опасно то, что современная власть практически начинает, по крайней мере, хотелось бы, чтобы это закончилось, рассматривать политическую оппозицию... человек, занимающий другую позицию, он кто, враг или оппонент? Если враг, то на самом деле его надо убирать, если оппонент, то надо обсуждать, а может, что-то и взять.

М.Н.: А как дифференцировать? Не по-сталински, например?

Ж.Т.: Я считаю, что сейчас Единая Россия практически начинает образ КПСС на себя напяливать и не считаться с мнением других политических партий. Считают, что только они носители истины. Были даже такие курьезы, когда какая-то политическая партия в парламенте вносит законодательное предложение, его отвергают. А потом эта же идея через три года вносится «Единой Россией», и ее принимают. Один из пороков Советского Союза, заложенный в 20-е годы на X Съезде КПСС: не стали признавать возможность не только политической оппозиции в стране, но и других взглядов даже внутри партии. Получалось, что секретарь райкома партии говорил от имени Маркса, Энгельса, Ленина и самого ЦК КПСС, и это нельзя было оспорить, это было одним из инструментов.

М.Н.: А если в настоящий момент допустить широкий политический плюрализм, который чуть-чуть присутствовал в 90-е годы, это позволит запустить развитие, будет благом для страны?

Ж.Т.: Я за то, чтобы было достаточно широкое политическое разнообразие взглядов, идей, предложений.

М.Н.: Доступ к средствам массовой информации.

Ж.Т.: Да, сейчас интернет подключился к этому. Обязательно, без этого я развитие не мыслю. Но критика бывает разной. Я сотрудничал с директорами заводов, с начальниками строительных трестов, они достаточно прямые мужики, не стеснялись иногда крепкого словца, поэтому я себе позволю такой пример: вот я выйду и скажу, что вот Марья Петровна — проститутка. Мое дело заметить, а вы потом доказывайте, анализируйте (*смеется*). Поэтому, с одной стороны, поле критики должно быть широко, но одновременно в этой широте должно быть и конструктивное начало: а что делать? Не просто само по себе — долой!

М.Н.: Необходима программа.

Ж.Т.: Программа, а если по частному вопросу, должно быть реальное, обоснованное предложение с расчетами. Но без широкого... я считаю, никакого развития не будет.

М.Н.: А интернет и так называемый интернет 2.0 представляют во многом самоорганизующиеся, самоструктурирующиеся, выполняющие работу за социологов, системы. Как это явление, в последние десять лет особенно бурно развивающееся, влияет на вашу науку? Как оно могло бы повлиять, с вашей точки зрения, на политическую социологию?

Ж.Т.: Интернет сейчас приобрел очень мощное звучание, как социальный, так и информационный, как даже организующий организм. У нас сейчас ряд исследований проводится по интернету, внедряется в то сообщество, которое уже самоорганизовалось, и пытаемся через них узнать их мнения, интересы, идеи. Я как декан факультета могу сказать, что мы поощряем, и у нас уже какая-то часть и дипломов и диссертаций идет по анализу интернета, даже некоторые мне говорят, не многовато ли мы анализируем (*смеется*). Может быть, по сравнению с некоторыми другими, стоило было бы и поменьше, но так как это институт, который приобретает все большее и большее значение, мы должны получать больше информации.

М.Н.: Ведь его специфика в демократичности, он позволяет человеку не ждать, когда до него дойдет исследователь или социолог, а самому стать средством массовой информации.

Ж.Т.: Социолог не ставит задачи обязательно дойти до того, который запись оставил или мнение, а совокупность мнений проанализировать методом контент-анализа, что они выражают. Это достаточно кропотливая работа, и тут не обязательно даже выходить на первоисточник. В данном случае вычислять, как в анкете нашей традиционной: возраст, социальное положение, практически невозможно. Но возможно проанализировать совокупность идей, размышлений, высказываний. Я согласен, что это не только информационная, но и самоорганизующаяся система. Понять эти механизмы самоорганизации необходимо.

М.Н.: К тому же, у очень многих людей, у значительной части интернет-сообщества, есть потребность в документальном отношении к собственной повседневности, к ежедневному описанию собственного быта, деталей этого быта и так далее. Это явление для меня несколько удивительно, это ведь публичное самодокументирование повседневной жизни.

Ж.Т.: Я ставлю перед нашими молодыми исследователями подобные вопросы, но моя гипотеза такова, что все-таки интернет-сообщество во всех своих проявлениях все же нельзя отождествлять с самим обществом, которое у нас существует. Это все-таки определенный сегмент.

”
Есть достаточно значительное молчаливое большинство, которое по тем или иным причинам, особенно в сельской местности, в малых городах или не испытывает желаний, или не имеет возможности. Интернет-сообщество — не эквивалент самого общества.

М.Н.: Потенциальный, возможно. Последний вопрос, скорее ненаучный, а личный. Почему вас так назвали родители?

Ж.Т.: Меня студенты иногда спрашивают, откуда такое сочетание — Жан да Терентьевич.

М.Н.: Студенты тоже часто задают такой вопрос?

Ж.Т.: Ну, не часто, но задают.

М.Н.: Почему же родители назвали вас Жан?

Ж.Т.: Вы размышляете над такими вещами... У меня отец был Терентий, дед один — Сидор, другой — Кирилл, прадеды — Потап и Макар (*смеются*). Если вернуться к биографии родителей, которые были комсомольцами, участвовали в строительстве колхозов, с такой идеей. Отец погиб, и мама говорила, что для него почему-то был образец жизни — французская революция, французская литература, французская культура, стремление в 20-е — 30-е годы отказаться от прошлого и начать совершенно новое.

М.Н.: Новому человеку — новое имя!

Ж.Т.: В моем поколении мы встречали Кима, Владлена, Ленину, Сталину, еще разные фантазии.

М.Н.: Значит, это не объясняется французским происхождением?

Ж.Т.: Нет, нет. Что я вам мало перечислил... (*смеются*)

М.Н.: Вы доступно проиллюстрировали (*смеются*). Спасибо вам большое!